

ИВАН ДОРОВСКИЙ

ВОЗДЕЙСТВИЕ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА И РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПОЭЗИЮ РАЙКО ЖИНЗИФОВА

Страстный патриот, македонский поэт Райко Жинзифов принадлежит к группе балканских культурных деятелей прошлого столетия, чья судьба была трагической.

Известно, что в 1855 г. шестнадцатилетний Ксенофонт (Райко) уходит в Прилен, к Димитру Миладинову.¹ Именно здесь начинается культурно-просветительская и политическая деятельность молодого Жинзифова.² В Прилене Д. Миладинов преподает уже на «славянском» языке (в сущности на своем родном диалекте). Чтобы частично удовлетворить желания жителей города, Миладинов начинает переводить некоторые части евангелия и апостола и дает их в распоряжение священникам. Думаю, что есть все необходимые основания предполагать, что Миладинову помогал и, возможно, также сделал часть переводов сам Жинзифов. Следовательно, к этим годам возможно отнести начало переводческой деятельности Жинзифова.

Романтическое обращение Миладинова и Жинзифова к народному поэтическому творчеству не является только простым обращением к старине, но и обращением к настоящей реальной жизни и к чувствам народа.

Часть насобранного Жинзифовым фольклорного материала вошла, как известно, в сборник «Български народни песни» братьев Миладиновых.³ Вторую часть послал Жинзифов московскому профессору П. А. Бессонову (1828—1898), русскому историку литературы, славянофилу, а третью часть опубликовал в разных журналах и газетах.⁴

¹ П. Динков в книге Райко Жинзифов, *Избрани творения*. София 1939 (2-ое издание 1943) приводит 1856 год. Однако, более точными будут даты у З. Здравевой в книге Р. Жинзифов, *Съчинения*, съкмила З. Здравева, София 1927.

² Миладинови, Д. и К.: *Съчинения*, под редакцията на О. Табаков, София (без года издания).

³ *Български народни песни* собрани од братья Миладинови Димитрия и Константина и издани од Константина, Загреб 1861. См. также Миладиновци, *Зборник* (1861—1961), Скопје 1962, в котором обстоятельное введение Д. Митрева.

⁴ Напр. в «Периодическое списание», год 1, кн. 1, Браила 1870; в журнале Филоло-

В юле месяце 1858 года Жинзифов приезжает в Одессу, где находилось много болгар, греков и людей из других балканских стран.⁵ Его приезд в Одессу надо считать делом заранее запланированным Д. Миладиновым, его братом Константином, живущим уже в России, Александром Рачинским и, конечно, самым Жинзифовым.

Именно в годы, когда молодой Жинзифов приехал в Россию, революционная ситуация сложилась так, что распространяется «Колокол» Герцена, на общественной сцене выступает Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Т. Г. Шевченко и другие писатели Члены-революционные демократы. В то время в Москве, куда Жинзифов попал, находятся виднейшие представители русской культуры. Одновременно Москва является центром русского славянофильства.

В дальнейшем идейном развитии Р. Жинзифова, в бытность его в Москве, значительную роль сыграл также Г. С. Раковский.⁶ В Одессе, наверно, Жинзифов впервые читает гайдуцкую поэму Раковского «Горски пътник» (1857), в которой ее автор воспевал гайдуцкое дело и рисовал тяжелую жизнь народа под властью султанов.

Через год после встречи с Раковским в Одессе Жинзифов в своем стихотворении «Гулаб», напечатанном в 1860 году, выразил подобные чувства и идеи, как Раковский. В отличие от Ивана Шишманова⁷ мы думаем, что в стихотворении «Гулаб» надо видеть прежде всего влияние македонского народно-поэтического творчества и «Горского пътника» Раковского.

Во время, когда «рабье молчание было нарушено», содействовали формированию и укреплению мировоззрения Жинзифова два общественно-политические и философские течения: славянофильские круги и революционно-демократическое прогрессивное русское общественное течение. От славянофилов Жинзифов берет только некоторые их взгляды. Прежде всего он у них учится любви к историческому прошлому, к народно-поэтическому творчеству (хотя они понимали этот вопрос неправильно), любви к другим славянским народам и к их культуре, которая,

гические записки, год 5, вып. 4 и 5, 1866, Жинзифов опубликовал «Народные болгарские сказки», к которым прибавил следующее объяснение: «Сказки эти прикре, который намерены были издать в 1859 году студенты Московского университета надлежат братьям Миладиновым и предназначались ими для напечатания в Сборнике, который намерены были издать в 1859 году студенты Московского университета, Историко-филологического факультета, но издание Сборника не осуществилось. Усердные ревнители развития и просвещения Димитрий и Константин Миладиновы, уроженцы Македонской Струги (не далеко от Охриды), занимались собиранием народных песен, сказок, пословиц и вообще всем, что входит в область народной словесности. В этом деле принимал посильное участие и пишущий эти строки... См. Жинзифов, Р.: Публицистика в два тома, том 2, София 1964, с. 278—279.

⁵ Никитин, С. А.: Славянские комитеты в России в 1857—1876 годах. Москва 1961, с. 54—65.

⁶ Жинзифов, Р.: Съчинения, под редакцията на З. Здравева, София 1927, с. 2. См. также письмо Г. С. Раковскому от 9 января 1859 г. в кн. Жинзифов, Р.: Одбрани творби, приредил Г. Тодоровски, Скопје 1981, с. 424—425.

⁷ Ситова слава Шевченка. Збирник материјалих про творчеств Т. Г. Шевченка в трьох томах, том 3, Т. Г. Шевченко в зарубезному літературознавстві, Київ 1964, с. 39.

⁸ Пенев, Б.: История на новата българска литература, том 4, част 1. София 1936, с. 682.

по мнению славянофилов, должна быть достоянием всего славянства.

Русская революционно-демократическая среда показывает Жинзифову, в каком направлении должна вестись борьба славянского населения на Балканах. Жинзифов укрепляет свой патриотизм в «истинном и возвышенном его значении и содержании — неутомимо, бескорыстно и горячо служить родине и народу и бороться за его освобождение».

Стихотворение «Питанье и одговор» (1860) написано в духе македонской народной поэзии и касается жгучих вопросов времени — борьбы за богослужение на славянском языке. Идеи национальности и сохранения родного языка являются одним из основных мотивов в поэтическом творчестве Райко Жинзифова.

В стихотворении «Питанье и одговор» поэт обращается к небесам, к золотому солнцу и буйному ветру, к горам и долинам с вопросом, почему они, кукушане, развеселились. Все от мала до велика танцуют народные танцы. Из среды этих танцующих и веселящихся автор выбирает одного «старца юнака». Он «Громогласен // Песнопевец, сладкогласен», который в песнях сообщает однородцам о радостных событиях и призывает их, чтобы они тоже радовались, ибо «Дойде време, дойде време // Да загини тежко бреме».

Певец является каким-то прообразом народного рапсода-гуслеяра, которого вылепил и вывел поэт в дальнейших своих стихотворениях. Если поэт в «Питанье и одговор» только упомянул о типе народного певца, то в стихотворении «Молитва» («Боже, чуй моя молитва») он предлагает нам более конкретное изображение народного рапсода. Образ народного певца современности он видит в старом «вещем Бояне» из «Слова о полку Игореве». Это понятно, так как он в эти годы, как увидим дальше, перевел «Слово о полку Игореве» и стихотворения Т. Г. Шевченко, который выводил образ народного кобзаря.

Постепенное ознакомление Жинзифова с русской классической литературой является фактом решающего значения для дальнейшего развития поэта. Поэтическое творчество Пушкина, Лермонтова, Козлова, Некрасова и творчество украинского поэта Т. Г. Шевченко открывают перед Жинзифовым новый мир, дают поэту новые возможности творческого развития и воссоздания тяжелой картины рабской действительности на его родине. Использование Жинзифовым в своей поэзии разных лермонтовских, пушкинских, некрасовских (как мы еще упомянем дальше) и др. мотивов, сюжетов, тем, ритмико-синтаксических схем и фразеологических оборотов нельзя еще рассматривать как полную зависимость его стихотворений от поэзии русских и украинских поэтов. Жинзифов в стихотворении «Брату си», на пример, начинает словами Пушкина, почти дословно переведенными, но в дальнейшем развивает совсем другую, противоположную идею и идет в этом случае дальше Пушкина. Также стихотворение «Гавран» написано под воздействием поэзии Пушкина, а именно его стихотворения Шотландская песня.⁸ «Гавран» начинается ярко и поразительно:

»Гарван, гарван, зацо гракаш,
Гарван, птицо чърна?
В сухи гранки тук, там скакаш,
Не ли искаш зърна?»

Поэт продолжает в духе македонской народной поэзии о злых вестниках, которые сообщают народу о погубных событиях:

»Зла съдбина, зла съдбина
 Стигна, лудо младо,
 Тебе с млада ти дружина
 Как чумаво стадо.«

В стихотворении »Безсонница« (1862) поэт нам описал прекрасно свою жизнь и душевное положение в годы наступления реакции в России после отмены крепостного права.

Стихотворение развивается от обобщенного к конкретному изображению картин родного края: поэт вновь возвращается к описанию македонских жниц, уходящих после утомительной и изнурительной работы поздно вечером с поля. В этом образе Жинзифов первый в македонской литературе XIX века дал картину тяжелой жизни македонской деревни в начале второй половины XIX столетия. Образ трудовых крестьян земледельцев, в которых Жинзифов начинает видеть, хотя еще и неотчетливо, движущую силу общественного развития (очевидно под влиянием революционных демократов), так как они »Вредни сет за бесплатна свобода пълна«.

Основной идеей »Бессоницы« является народ, простые земляки, с которыми было связано детство поэта. Простой народ со своими »грустными« многоголосыми песнями, которые разрывают сердце поэта. Основной мотив его поэзии — мечта о родине и глубокий патриотизм — развивается и в других стихотворениях. Томлением по родному краю переполнено сердце поэта.

Подобным тоном и с тем же намерением написано и стихотворение »Таен глас«, в котором поэт выразил свои настроения, пользуясь двумя македонскими народными пословицами. Жинзифов никогда не забывает вывести образ трудового народа — македонских жниц. Он в них, в их простоте и красоте, скромности и естественности, в бодрости и воодушевлении и в их прекрасных народных песнях находит душевную утеху и успокоение.

В начале 60-ых годов Жинзифов начинает осознавать, что для освобождения народа от фанариотов, турок и греческих, болгарских и турецких чорбаджиев необходима деятельность всех, в первую очередь прогрессивных культурных деятелей.

В стихотворении »Глас« поэт ясно определил цель своей дальнейшей деятельности, находясь далеко от родины »не в чужда за мене страна«. Жинзифов видел, вытерпел сильные контрасты общественной жизни в своей стране и в стране северных »диких и холодных ветров« — в России. Поэт видит, что народ еще глух к своей былой славе и к песням о ней, но он твердо уверен, что наступит время, достойное песен.

Стихотворение »Глас« является личным манифестом молодого студента Жинзифова о роли поэта в общественной жизни. Оно сильно напоминает »Поэта и гражданина« Н. А. Некрасова мыслью о подчинении творчества интересам трудового народа.⁹ В построении стихотворения

⁹ Ерихонов, Л. С.: К. Жинзифов и П. И. Бартелев. Известия на Института за българска литература на БАН, кв. XVI, София 1965, с. 163—190.

Жинзифов использует народную мудрость, поговорки, говорящие иносказательным языком о перемене жизни, об изгнании, «истреблении колючек», ибо «Че близка ет доба, близок ет час». Жинзифов распространяет в России взгляд, что турки — «нация, страдающая упадком сил, нация отмирающая, больной организм, кончина которого очень близка».¹⁰

Образ легендарного героя Марко Кралевича выведен в стихотворении «Песня». Стихотворение свидетельствует о воздействии македонских юнацких народных песен, сказок и легенд об этом прилепском владетеле на творчество поэта. Особенно в Прилепе, где Райко Жинзифов работал учителем, и в его окрестностях возникло много народных преданий и песен о силе Кралевича Марко, его подвигах, о его борьбе с врагами народа.

В «Песне» поэт обращается к Марко словами угнетенного народа, в духе народной поэзии рассказывает о тяжелой доле народа. Тем самым автор как будто хочет поднять от вечного сна «мертвого Марко». Поэт обращается с вопросом не только к Марко (хотя в стихотворении обращение лично к нему), но ко всем терпящим, которые «Векове четири цели // И от петий половина» теряют свои силы под духовным, экономическим и национальным игом турецких и греческих поработителей. На положительные вопросы поэт ждет ответ народа, из которого должны выйти новые герои, которые будут продолжать традиции борьбы Кралевича Марко.

Образ народного рапсода в поэзии Райко Жинзифова

Передовые культурные деятели из Балкан, к которым принадлежит также Р. Жинзифов, воспитанные на демократических началах народных героических песен, вдохновлялись поэтическим творчеством Т. Г. Шевченко. Обращение к героическому прошлому, любовь к народу, близкие картины народных страданий и идея освобождения и единения славянских народов стали для балканских литературных и культурных деятелей очень близкими.

О сильном воздействии поэзии Шевченко на поэтическое творчество Жинзифова писали не раз, на пример, И. Шишманов, Б. Пенев, П. Динев, Х. Зографски, Х. Поленакович, Ал. Спасов и др.¹¹ Надо сказать, что переводы Жинзифова из Шевченко, в настоящее время в многом утратившие свою актуальность, сыграли в 60-ых и 70-ых годах XIX века

¹⁰ Орешков, П.: Жинзифов като журналист. Македонски преглед, кн. 1, София 1928, с. 60.

¹¹ Напр. Зографов, Х.: Райко Жинзифов. Литературен збор, год. 4, бр. 1, Скопје 1957, с. 1—16; Спасов, Ал.: Поезијата на Рајко Жинзифов. «Трудови» на Катедрата за историја на книжевноста на народите на ФНРЈ, год. 1, зр. 1—2, Скопје 1960, с. 17—29; Конески, Б.: Крвава кошула. Годишен зборник на филолошкиот факултет во Скопје, кн. 3, Скопје 1977, с. 269—274; Поленаковик, Х.: Рајко Жинзифов, живот и книжевна дејност. Развитие, год. 17, бр. 1, Битола 1979, с. 36—58 и др.

большую роль для популяризации творчества Шевченко среди балканских славян, «що мало в той час прогресивне значення».¹²

В 1840 году вышла первая книжка стихов Тараса Шевченко под названием «Кобзарь»,¹³ в которой было всего восемь стихотворений. Книжка привлекла внимание уже своим названием и самобытностью, так как при слове кобзарь возникали образы украинских бродящих певцов, слепых старцев, продолжателей старых кобзарей и казацких бандуристов,¹⁴ слагавших печальные песни о горькой судьбе обездоленных людей, о славном прошлом Украины. Думы Шевченко о судьбе родного народа оказали сильное воздействие на мысль Жинзифова. Певец Перебендя надолго запомнился ему. Жинзифов стремился изобразить македонского Перебендю, который бы рассказал народу о его прошлом, настоящем и будущем.

Подлинная народность, близость к украинскому фольклору, романтизм с реалистическими тенденциями изображения, необычно драматические образы матери, политические завещания народу — все это богатство целого творчества Шевченко способствовало сближению Жинзифова с ним.

Райко Жинзифов начал переводить стихотворения Т. Шевченко из сборника «Кобзарь». Поэт усиленно переводит не только стихи Шевченко, но и «Слово о полку Игореве» и «Краледворскую рукопись».

Первый опыт дать образ «вещего Бояна» в новых условиях Жинзифов делает, разумеется, под сильным воздействием поэзии Шевченко и образа народного поэта Бояна из «Слова о полку Игореве». Образ гуслеяра — народного певца оказывает сильное воздействие на сознание поэта. Лучшее, чем в «Молитве» ему удался этот образ в стихотворении «Просяк». Простой народный певец — нищий поэт, подобно кобзарю Шевченко, о самых насущных проблемах современности:

.. Пеит за народност, пеит
За бащина и любовь,
И нас слънце да огреит
И да никнит живот нов.»

Образ народного певца Жинзифову удалось полностью раскрыть в синтезе вещего Бояна и кобзара в одном из самых замечательных своих стихотворений — в поэме «Гуслеяр в собор», написанной в том же году, как и «Молитва» и «Просяк» (1862). «Гуслеяр в собор» — это народная рапсодия, полная картин и образов, любопытная своими романтическими мотивами и построением формы. В поэме новая метрика, интересная композиция и разнообразная ритмика, с которой мы встречаемся в русской классической литературе. В ней находим ясный призыв «нового Бояна» к активной деятельности: «Сбери се народ, разбуди се от сон, // Освети се, близка доба, близок час». Это прямой, отважный, героический призыв к свержению ига.

На широком лугу под городом Боян поет собравшемуся народу грустную песню, отличающуюся от стиля и формы построения стихотворения

¹² Дмитрук, В. Т.: *Сторинки вікової дружби*. Львів 1958, с. 20—21.

¹³ Шевченко, Т. Г.: *Кобзарь*. Москва 1954.

¹⁴ Mácha, J.: *O bohatýrském epose slovanském I*. Praha 1894, s. 19.

краткими, восьмисложными и шестисложными строками четверостиший, сочетающимися в перекрестной рифме АБАБ. Песня написана силлаботоническим стихосложением, женской рифмой, характерным для македонско народно-поэтического творчества. В свою поэму Жинзифов включил также собственную адаптацию одного в свое время очень популярного стихотворения сербского поэта Йована Суботича.¹⁵ Краткие строки песни чередуются трехстопным и четырехстопным хорейским стихом:

»Бетри буйни, ветри с сили
Вейте, жално вейте,
И с планински самовили
Очи сълзи лейте.«

Сравнение с »Думкой« Т. Шевченко доказывает, как Жинзифов сумел использовать ритмику Шевченко для построения собственных стихов. Жалостная, грустная песня Бояна — это обращение (опять-таки вполне в духе народной поэзии) к птицам, лесам, горам, садам и полям, белолицым девушкам и чернобровым жницам, чтобы осознали свое положение. Это уже не песня народного певца, а какой-то агитационный призыв, или, если хотите, песня о непоколебимости угнетенного народа, песня о вере поэта в собственные силы человека, пахаря, песня о труде, песня о любви к наордному языку, литературе и культуре.

В поэме выведен образ македонской женщины, девушки-красавицы, идеальный и идеализированный образ молодого поколения. Она поет о своем роде, о славянском происхождении. Жинзифов, чтобы ее выделить, чтобы подчеркнуть, что она македонка, вложил в её уста чистый, звучный македонский язык (стихотворение написано наддиалектом). Этими лексическими средствами поэт воспользовался не случайно. Он использует их для выделения, оттенения определенных признаков изображаемой македонки, для дополнительного усиления ее конкретизации, так как »через язык рисуется та социальная среда, к которой принадлежит действующее лицо«.

Кульминация развития сюжета звучит в заключительной »громогласной« песне присутствующих, поющих вместе с гусяром, и в их клятве бороться в одном строю за освобождение.

Своеобразным эпилогом, постпозицией, которая дается для большей полноты выражения главной идеи, ее раскрытия и завершенности, является как быдто бы написанное в продолжение стихотворение »С руйно вино домородно« (в литературе известно под названием »Здравича«), состоящее из восьми четверостиший, написанных хорейским стихом, законченным женской рифмой.

Образ народного поэта-рапсода обрисован в поэме несколькими штрихами, но дает нам ясное представление о певце. Он с гусями в руках ходит размеренным шагом и поет свои грустные, скорбные, но правдивые песни о судьбе народа.

Самым большим произведением Жинзифова является »Кървава кошуля« — поэма скорби. Из каждой ее строки дышит болезненная, печальная, мучительная скорбь. Мотто »Зол търн, зла копачка« — народ-

¹⁵ Братя Миладинови, Съчинения, под редакцията на Н. Табаков, издание второ. София (без года издания).

ная пословица, аллегорически определяет цель повествования поэмы. Интересно отметить, что с той же самой народной пословицей мы встречаемся в письме Д. Миладинова от 1852 года, написанном еще по-гречески А. Экзарху, редактору «Цариградского вестника».¹⁶

Поэма «Кървава кошуля» состоит из четырех частей. Первая часть — вступление, вторая — ознакомление с главными персонажами, третья — монолог несчастной матери, четвертая, очень краткая, восьмистрочная, составляет развязку и заключение поэмы.

Старая мать начинает свой монолог в третьей, самой важной части поэмы, представляющей живейшее, самое драматическое ее ядро и ядро всей поэмы. В лице матери изображен символический голос народа.

В поэме «Кървава кошуля» Жинзифов делает несколько отклонений от данного сюжета и идеи поэмы. Если отбросить излишние отклонения и повторения, то получается замечательный и сильный образ. Мы добавим еще, что, хотя поэма по форме неправильна и ее размеры ритма не всегда соблюдены, она в свое время сыграла известную роль в общественном сознании и была высоко оценена не только соотечественниками Жинзифова, но и русскими. Н. В. Гербеля (1827—1883), поэта, переводчика и издателя (в переводах которого наш поэт познакомился с классиками западно-европейской литературы и с его переводом «Слова о полку Игореве») поэма настолько тронула и понравилась ему, что он переводил отрывки из нее. Положительными сторонами поэмы являются также сюжет — типичный и близкий всем славянам, страдающим под турками, реалистическая форма изображения, очень близкая южнославянской народной поэзии.

И в поэме «Кървава кошуля» можно обнаружить воздействие русской поэзии того времени на языковые, поэтические средства, на форму и стихосложение. Например, популяризация произведений Шевченко среди южных славян и сближению Жинзифова с его творчеством содействовала мелодичность, простота, ясность и глубокое народное содержание его поэзии. И вполне естественно, что творчество Шевченко в большой мере повлияло на взгляды Жинзифова, на идеи и содержание его собственного творчества, а больше всего на форму его стихов.

Для Шевченко была самой любимой формой метрическая форма четырехстопного и трехстопного хорей, в котором написано много его стихотворений и поэм. Эту метрическую форму мы встречаем и у Жинзифова, в самой большой мере в его «Кровавой рубашке». Именно в этой поэме наш поэт как будто бы хотел показать синтез знаний по стихосложению, данных ему знаменитыми русскими мастерами слова и особенно Шевченко. Простоту шевченковского стиха, близкого народной песне, хорошо известной Жинзифову не только по сборнику братьев Миладиновых. Трехстопный и четырехстопный хорей с цезурой сыграли тоже положительную роль в усвоении опыта поэзии Шевченко. Жинзифов в поэме «Кровавая рубашка» стремится полностью сохранить эту излюбленную шевченковскую метрическую форму, хотя это не всегда ему удалось.

¹⁶ Братя Миладинови, Съчинения, под редакцията на Н. Табаков, издание второ. София (без года издания).

Подобная личная и жизненная судьба и история страстно ими любимых народов, подобные или сходные мысли и средства, предлагаемые ими для освобождения, их подлинный гуманизм и безграничный патриотизм — вот прочная основа их сближения.

Из сопоставлений, сделанных уже Селищевым,¹⁷ явно воздействие стихотворения Н. А. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская» (1862) на стихотворение Жинзифова «Сам себе си». Некрасов ввел в свою поэзию тему женщины-участницы общенародной деятельности и тем самым он утвердил в русской лирике поэтизацию женщины. В стихотворении Некрасова экспрессивно развивается страдание русской женщины в социальном и бытовом плане. Трехсложный размер, как и дактиль, способствуют разнообразию движения стиха. Именно поэтому Некрасов тяготел к этой форме, которая сходна с народной дактилизацией.

Райко Жинзифов учится у Некрасова «правилам» силлабо-тонического размера, пользуясь его трехсложным размером с первым ударным — дактилем:

»Майко злочеста, ти майко страдалница.
Мътни се създи ти, как у Брегалница,
Мътни се студни вълни.«¹⁸

Жинзифов обобщает образ некрасовской матери в образ родины Македонии, родного края. Поэт отбросил некрасовский образ, связанный с плачем ребенка, перенес все действие в Македонию и в конце задает подобный вопрос, как и Некрасов. В данном случае некрасовский образ Жинзифовым перерабатывается и действует в другой национальной среде с подобными рабскими условиями жизни. Воздействие поэзии Некрасова на творчество Жинзифова, естественно, не исчерпывается приведенными примерами.

Полезно, по-моему, поговорить об отношении Р. Жинзифова к древнейшему русскому литературному памятнику в связи с воздействием «Слова о полку Игореве» на его поэзию.

Жинзифов, вступив в университет, начал переводит стихи Шевченко, «Краледворскую пукопись» и «Слово о полку Игореве». Внимание Жинзифова, кроме другого, привлекли высокие художественные и идейные качества «Слова», его основной мотив — призыв к единству, к объединению всех сил против иноземных варваров. Обращению Жинзифова к «Слову о полку Игореве» способствовала также его близость к устному народному поэтическому творчеству.

По образцу Н. В. Гербеля¹⁹ наш поэт дал поэтический перевод «Слова

¹⁷ Селищев, А.: Б. Ангелов, Българска литература, част 2. Исторически очерк на новата българска литература от Паисия до днес. София 1924, Slavia 5, 1925—1927, с. 164—170.

¹⁸ Приведенный Селищевым текст стихотворения не совпадает с текстом, который приводит П. Динев в Жинзифов, Р.: Избрани творения. София 1943. Селищев выпускает некоторые стихи. На редакционные изменения стихотворения (в сущности отдельных слов или стихов) указывает Д. Леков в Жинзифов, Р.: Съчинения, подбор и редакция Дочо Леков. София 1969, с. 422—423, и Гане Тодоровски в Жинзифов, Р.: Одбрани творби. Скопје 1981, с. 626—629.

¹⁹ Игорь, князь Северский, Слово о полку Игореве, поэма в двенадцати песнях. Перевел с древнерусского Николай Гербель, издание шестое. Санктпетербург 1881.

о полку Игореве», некоторые части которого очень удачны. Отчасти »Слово« переведено шестисложным стихом, что указывает на явный замысел переводчика — отождествить или хотя бы приблизить форму »Слова« еще более к форме македонской народной поэзии.²⁰ Творческий подход Жинзифова подчеркивает связь »Слова о полку Игореве« с устным наордно-поэтическим творчеством даже там, где в подлиннике такой явной связи нет. Большинство переведенных Жинзифовым шестисложных или восьмисложных стихов закончено ассонансом. С такой метрической формой встречаемся также у Т. Шевченко и также в переводе некоторых частей (напр., Плач Ярославны) »Слова о полку Игореве«.²¹

»Слово о полку Игореве« влияло на собственное поэтическое творчество Жинзифова в области формы и содержания. И прежде всего в выведении образа гусляра. Мы уже раз упомянули, что о »старце-юнаке« Жинзифов пишет в стихотворении »Питанье и одговор«, что с более конкретным образом рапсода из народа мы встречаемся в стихотворении »Молитва«, метрическая форма которого совпадает с метрической формой некоторых частей его перевода »Слова о полку Игореве«. Очень близким образом певца »Слова« и кобзарей Шевченко является начало уже также упомянутого стихотворения »Просьяк«. Народного рапсода-гусляра поэту лучше всего удалось вывести в прекрасной поэме »Гусляр в собор«. Некоторые подобные, аналогичные стихи, способы выражения, лексика и т.д. подсказывают, что стихотворение подвергалось известному воздействию »Слова о полку Игореве«.

В романтическом образе народного рапсода Жинзифов вывел отчасти и самого себя. Тем самым Жинзифов определил роль поэта, свою собственную роль в данных исторических условиях, на данном этапе национально-освободительного движения наорда.

Судьба поэта неразрывно связана с судьбой его родного края. Его поэзия глубоко патриотична, национальна. Страдания народа являются его личными страданиями:

»Как да забравам то, за кое болям,
Кое поддържат мой живот?
За кое я страдам, пред кое немеям:
Горкыйт мой народ?«

В отношении жизни и творчества Райко Жинзифова остается еще много вопросов, до сих пор не затронутых историками литературы или требующих нового толкования. Задача историков литературы — бросить »новый луч света« на творчество Райко Жинзифова в целом.

²⁰ DoroVský, I.: *První pokus o básnický překlad Slova o pluku Igorově do bulharštiny (makedonštiny) a lidová slovesná tvorba*. SPFFBU, 1965, D 12, s. 123—135; того же:

První překlady Rukopisu královédvorského a zelenohorského do makedonštiny. SPFFBU, 1973, D 20, s. 243—259; См. также:

DoroVský, I.: *České země a Balkán. Kapitoly z dějin českomakedonských a makedonsko-českých styků*. Brno 1973, s. 47—72.

²¹ Шевченко, Т. Г.: *Твори*, том другий. Львів 1907, ц. 261.

PŮSOBENÍ LIDOVÉ SLOVESNOSTI, RUSKÉ A UKRAJINSKÉ LITERATURY NA BÁSNICKOU TVORBU RAJKA ŽINZIFOVA

Básník Rajko Žinzifov, jehož básnické dílo je předmětem této studie, psal své verše i prózu v tzv. naddialektovém jazykovém modelu; jeho základ tvořily makedonsko-bulharské jazykové prvky s příměsí prvků ruských, srbských a církevně-slovanských. Své publicistické a literárněhistorické stati a články pro ruský tisk psal Žinzifov přímo rusky. Proto autor studie vychází z předpokladu, že Žinzifov je trojdomým tvůrcem, patřícím svým dílem jak do dějin makedonské a bulharské literatury, tak také do dějin ruské publicistiky.

Rozhodující význam pro vývoj Žinzifova jako tvůrčí básnické osobnosti mělo jeho seznámení s ruskou klasickou básnickou tvorbou, zvláště s poezií Puškinovou, Lermontovovou, Kozlovovou, Někrasovovou a s tvorbou ukrajinského básníka Tarase Ševčěnka. Autor stati ukazuje, jak Žinzifov tvůrčím způsobem čerpal z jejich básnických zkušeností a z balkánské lidové slovesné tvorby. Básník si z jejich tvorby bral jednotlivé náměty a motivy, a dokonce i jednotlivé verše a výrazy. Ty však u něho dostávaly nový smyslový a umělecký obsah. Není bez zajímavosti ani to, že Žinzifov transformoval jejich poezii do jiného sociálně politického a kulturního prostředí. Postupně si osvojil různorodé tematické, rýmové a formální postupy klasické ruské poezie. Rajko Žinzifov se učil z básnické tvorby ruských klasiků tvůrčím způsobem. Přitahovaly jej především myšlenky vlastenectví, občanský patos, lidovost jejich poezie, melodičnost verše i láska k lidové slovesné tvorbě.